

**Завельский М. Г.**

## **ЗАКОНОМЕРНОСТИ ХОЗЯЙСТВА**

Мыслительные конструкции, побуждения, правила поведения участников хозяйства образуют его мировоззренческую, мотивационную и институциональную среду. От ее состояния зависит, как понимание реальности в качестве источника информации для хозяйственных решений соотносится со знанием. Неравномерное распределение такой информации между людьми наделяет ее ценой, влияющей на предпочтительные формы, методы, масштабы хозяйственных действий. При этом выбор их направлений и средств, нацеленный на наилучшее распределение материальных и финансовых ресурсов без учета сдвигов, порождаемых тем самым в упомянутой среде, недостаточен, чтобы оптимизировать поведение. Закономерности этих сдвигов изучает эволюционная теория экономики (ЭТ). Но она отвлекается от его инструментальной рациональности - этого краеугольного камня рыночной теории (РТ). Отсюда необходимость их синтеза.

### **Исходные предпосылки**

Общность характерных черт поведения участников товарно-денежного хозяйства в разные эпохи говорит об относительной устойчивости его мировоззренческой, мотивационной и институциональной среды. Но ее отдельные элементы мутируют подобно генам. Это происходит, как известно, в результате случайных комбинаций родительских признаков или под воздействием радиации (изменений в энергетическом поле), а с побуждениями к хозяйственным действиям, их правилами и моделями - в итоге комбинаций легитимных и неформальных норм поведения или вследствие реформы, к которой приводят изменения в информационном поле жизнедеятельности.

Такая реформа осуществляется государством. Ее содержание зависит от взаимодействия спроса, спонтанно формируемого участниками

хозяйства и выражаемого распространением неформальных норм поведения, с предложением, которое определяется представлениями чиновников об их возможностях и ожидаемых последствиях. Совмещение одного с другим идентично равновесию, к которому реформа приближается в меру схожести того, как те и другие понимают экономическую реальность. Отклонения от равновесия «вниз» обнаруживаются дефицитом предложения, который компенсируется нелегитимными изменениями этой среды, а отклонения «вверх» - избыточными легитимными нормами, которыми многие участники хозяйства пренебрегают.

Относительная устойчивость предпринимательского поведения истекает от имманентных экономике качеств целостности. Они актуализируются по мере эволюции хозяйства, что влечет все более частое столкновение его участников со слабо структурированными проблемами (инструментами), для которых характерны конфликты, не поддающиеся ранее испытанным способам разрешения. Возможность справиться с такими проблемами зависит от адекватности их формулировки жизненным реалиям, которая в свою очередь определяется тем, насколько понимание последних, отражаемое мыслительными конструкциями, близко к знанию, учитывает, что эти проблемы возникают из-за нарушения совместимости отдельных норм, появления между ними трения.

Такое трение неустранимо без побуждения конфликтующих сторон на компромисс и порождает спонтанную активность новаторов, направленную на создание соответственно мотивирующих механизмов. Они постепенно закрепляются в культурных стереотипах поведения, и дело завершается мутациями легитимных норм, причем всякая из них, подобно гену, проходит разные стадии, пока, по словам Н.П.Дубинина, на каждой не выработает все «топливо», и лишь потом обретает новое устойчивое качество. Накладываясь на генофонд, действующие нормы поведения в сочетании с природной средой хозяйства формируют его психообщественную инфраструктуру - закрепленные в традициях населения страны такие нравственные устои и деловые навыки, такое понимание им реальности, которые, вместе взятые, проявляются в характерных для большинства обитателей данной территории хозяйственных склонностях, предприимчивости, качестве, дисциплине и интенсивности труда, умении порождать, воспринимать, осваивать новинки и приспосабливаться к ним. Эта инфраструктура при любых возможностях заимствовать извне материальные или финансовые ресурсы и технологии ограничивает экономическую динамику страны жестче, чем что-либо иное.

Вместе с тем, в товарно-денежном хозяйстве добровольный обмен

всегда комбинируется с вынужденным. Он сопровождается асимметричными контрактами. Это требует дополнительных затрат, с одной стороны, чтобы преодолеть отказ от них и предотвратить их саботаж, а с другой - чтобы уклониться от их заключения или выполнения. Чем больше среди правил хозяйства тех, которые превратились в культурные стереотипы, а значит стали внутренне приемлемыми для его участников, тем менее распространен в нем вынужденный обмен и ниже транзакционные издержки. При этом их экономия способна перекрывать уменьшение трансформационных расходов, возможное вследствие такого обмена, например, при навязывании людям действий, наилучших по какому-то внешнему критерию или по воплощающим его нормам поведения.

Отсюда вытекает, что мнение «рыночных фундаменталистов», будто любые новшества со стороны государства касательно мировоззренческой и институциональной среды хозяйства ущербны, так как нарушают его равновесие, неверно по отношению к легитимации неформальных правил и мыслительных конструкций, ставших культурными стереотипами, и их снабжению механизмами реализации. Но заблуждением является и убежденность, будто интересы отдельных участников хозяйства - всего лишь редукция его свойств как целого, опознаваемых только государством, которое, якобы, пребывает вне сферы экономических отношений, чем другие маргиналы оправдывают целесообразность того, чтобы именно оно произвольно диктовало правила и модели хозяйственного поведения, исправляя «ошибки» их спонтанной селекции.

Государство - это законодатели и чиновники, на самом деле явно или неявно включенные в экономические отношения и действующие в ориентации, прежде всего, на свои особые интересы - корпоративные и индивидуальные [1]. А потому симметричное распределение выигрыша от правил и моделей, «производимых» им, превращение таких изделий в благо для всех, требует компенсационных механизмов, которые бы обеспечивали достижение и выполнение соглашений государственных учреждений, регулирующих хозяйство, друг с другом и с теми, кто делегирует им властные полномочия. Такие механизмы предполагают совмещение инструментальной и процедурной рациональности хозяйственных решений, что не предусматривает ни РТ, ни ЭТ.

Разработанная в 1960-е годы концепция такого совмещения [2, 3 и др.] исходит из гипотезы, что и все хозяйство, и каждый его «атом» обладает и независимыми свойствами, которые стремится поддерживать, чтобы сохранить свою целостность, и зависимыми. Последние обусловлены в первом случае структурированностью, а во втором - принадлежностью к системе, и в итоге хозяйство неизбежно испытывает последствия

экономических взаимодействий (очевидных или латентных) не только участников рыночного обмена «по горизонтали» (между «атомами»), но также обмена, в который те вступают с государственными органами (их регуляторами), а они - друг с другом.

Развитие экономики в контексте этой концепции базируется на двух равно фундаментальных свойствах хозяйственной материи - притяжении и отталкивании продуктивности. Одно наращивает ее в пределах допускаемого действующей мировоззренческой и институциональной средой, нацеливая хозяйство на соответствующее равновесие. Но при этом из-за накладываемых ею ограничений деловые задатки некоторых людей не находят адекватного приложения. И те инициируют ее изменения, чтобы ослабить такие ограничения, а затраты, нужные для освоения возникающих вследствие этого новых возможностей, вынуждают экономику переориентироваться. Продуктивность хозяйства временно сдерживается или принижается («отталкивается») ради усиления ее роста («притяжения») в дальнейшем благодаря актуализации человеческих способностей, которые превосходят какие-то прежде востребованные и занимают их место в хозяйстве, создавая почву для его движения к более эффективному равновесию.

Это движение приумножает энергию участников хозяйства в связанном состоянии. Она, как у элементов любой сложной системы, должна уступать их энергии в свободном состоянии, но продолжает увеличиваться, достигая уровня последней, превзойти который не может. Поэтому дальнейший экономический рост возможен только под влиянием действий, в очередной раз раскрепощающих людей, но тогда хозяйство опять временно «отталкивает» продуктивность и т.п. Такой взгляд чужд поклонникам и рыночной теории, которая нормальным считает только притяжение хозяйством продуктивности, и эволюционной теории, вообще отрицающей его стремление к равновесию.

## **Обмен веществ и обмен информацией**

Понять закономерности такого движения можно, если признать свободу тем имманентным свойством человека, от которого проистекает динамичность мыслительных конструкций, мотивов и правил его хозяйственного поведения. По природе своей люди наделены инстинктом самосохранения, т.е. стремлением к стабильности. Отсюда их запросы, для удовлетворения которых хватает взаимоотношений в форме «обмена веществ». РТ ограничивается этим, считая участников хозяйства носителями внеисторического «сознания вообще» - рассудка. Но оно размыва-

ется духовной активностью человека - действенностью индивидуального разума, который изменяется в ходе истории (причем, с ним это происходит посредством не «обмена веществ», а рефлексии) и плодоносит идей целого (или нации, или народа, или государства), наделяющей жизнь человека особым смыслом, поскольку он начинает ощущать единение с другими людьми в объемлющем их всех порядке, что влечет к «тождеству различных» [4].

Такая идея приближенно отображает трансцендентную взаимопронизанность людей, духовную целостность их рода, и сама динамична. Любые их организационно оформленные «единства» - это преходящие лики последней, которые сменяются в человеческом сознании на пути к постижению того, что каждая индивидуальность (личностная или групповая) по существу есть закодированное в ее специфичной предметности сообщение об общих возможностях рода. Исторически для остальных людей эта индивидуальность и значима именно как носитель такого сообщения, которое поддается расшифровке только посредством ее самоидентификации, познания самое себя.

Приближение к такой целостности - суть всякой человеческой деятельности, в том числе хозяйственной. А своеобразие ее форм, включая общественные, «...означает различие не в сущности, но в предметном воплощении, все изменения которого можно скорее понять как процесс отбора из уже существующего» [4, с.255]. При этом в движении к ней знания, определяющие индивидуальные предпочтения, различаясь, не опровергают друг друга, ибо пока эта целостность не достигнута, всякая индивидуальность видит жизнь под своим специфичным углом зрения, но если кто-то обособленно от других судит о реальности в целом, то впадает в заблуждение. Предотвратить это способна лишь коррекция получаемого представления благодаря обмену информацией, который требует открытости к восприятию иных взглядов. По собственной воле такое уточнение возможно только в меру осознания упомянутой взаимопронизанности, рождающего внутренний позыв следовать порядку, который простекает от нее.

Индикатор этой меры - действенность в быту и хозяйстве нравственных устоев и гражданского долга как мотивов, побуждающих отдельных людей и те или иные их общности считаться с желаниями других вопреки своим эгоистическим устремлениям, выявляющим двойственную, животное-духовную природу человека. В одних странах современного мира влияние таких мотивов очевидно и проявляется часто (там, где жизнь населения весьма благоустроена, а вмешательство государства в экономику происходит под всепроникающим надзором общества и неза-

висимой судебной системы), в иных различимо слабо и редко, в третьих едва заметно. Но повсюду эти мотивы далеки от самодостаточности и пока более или менее нуждаются во внешнем дополнении.

Таким дополнением оказывается плата, явно и латентно, официально и нелегально взимаемая с одних носителей специфических знаний, а соответственно, устремлений, в пользу других и обогащающая восприятие ими реальности. Под воздействием этого люди изменяют свои односторонние, плоскостные представления о ней, тяготея к их совмещению в многогранном, объемном образе предпочтительного устройства жизни и хозяйства. Если подобная плата, как правило, эквивалентна ценности взаимных уступок и гарантий связываемых ею сторон, то такой образ устраивает столь значительное число людей и настолько, что желающие воспрепятствовать соответствующему ходу дел бессильны добиться своего. Это сохраняется при ее уточнении согласно динамике знания. Иначе упомянутый образ отклоняется от знания, такое расхождение нарастает и по достижении некоторого порога влечет потерю жизнедеятельностью свойств связного множества, что преодолевается благодаря ее вынужденной экономической и социальной реструктуризации ценою значительно больших издержек. Как результат нужное уточнение трактовки реальности становится осуществимым, но его динамика с течением времени опять утрачивает адекватность динамике знания и т.д.

Таким образом, все человечество и отдельные страны в своем развитии переходят от эпохи к эпохе, которые, по замечанию Ясперса, разнятся смысловой действительностью. Средством ее изменения, призванного отвлечь тяжелые депрессии, которые, несмотря на стремительный технический прогресс, из-за противоречия достигнутой глубины разделения труда специфическим видовым свойствам человека (прежде всего, заинтересованности во внутреннем смысле труда и творчестве, обращенном на самого себя) начала испытывать экономика передовых стран, в последние десятилетия стала диверсификация индивидуальных занятий и функций, породившая инновационную культуру хозяйства [5-8 и др.]. Эта культура воплощает взаимопроникновение его участников благодаря погруженности в информационное поле и обмену информацией, который выступает источником наследственной изменчивости экономики, тогда как «обмен вещев» лишь доводит сдвиги в ее внешнем окружении до преобразований самого хозяйства. Суть происходящего в том, что «целое» как вещественная взаимосвязь его частей, достаточно тесная, чтобы каждая изменялась из-за действий других, вытесняется их взаимопронизанностью, когда они обнаруживают гораздо более силь-

ное влияние друг на друга, которое не укладывается в рамки понятия «взаимодействие».

## Экономическое пространство

Хозяйство развивается так в пространстве, которое задается системой отсчета его переменных как координат, позволяющих определить состояние этого объекта в любой точке относительно их начала. Они признаются существенными, если дают возможность полностью описать характеристики хозяйства, важные для исследователя. При наличии у них общей единицы измерения это пространство оказывается метрическим, что разрешает, оперируя им, пользоваться понятиями «расстояние» и «направление». Если его координатами выступают независимые друг от друга темпы изменения за единицу времени различных средств, необходимых и доступных для хозяйственной деятельности (всегда неотрицательные), то, когда такие темпы стабильны, точка, изображающая динамику хозяйства, неподвижна в этом пространстве, т.е. поддерживается постоянный экономический рост (или спад), а при изменении этих темпов он приходит в движение. В таком случае требуется учитывать его скорость и направление, вводя дополнительные координаты - производные от этих темпов, определяющие скорость их изменения и способные принимать любые вещественные значения.

Одновременное задание всех координат и скоростей делает экономическое пространство фазовым. В каждой его точке или области темп экономического роста можно вычислить как некоторую функцию, обычно предполагаемую гладкой, т.е. непрерывно дифференцируемой нужное число раз, но в свою очередь изменяющейся при движении экономики, а оно в рассматриваемом пространстве отображается некой траекторией как геометрическим местом точек, соответствующих темпам экономического роста, которые определяются функцией от координат хозяйства там, где последнее побывало.

Экономическое пространство, как и физический мир [9], имеет динамичную геометрию, закономерно изменяющуюся во времени, и для хозяйства существует не единственная система отсчета, а множество таких систем, причем, каждая справедлива в области этого пространства, по историческим меркам сравнительно малой, соответствующей некоторой общественной культуре, и связана с другими областями посредством его кривизны. Геометрия такого пространства предопределяет закономерности экономического развития, которое, в свою очередь, предписывает ей искривление.

Вероятно, эта геометрия так же мало связана с вещественной стороной хозяйства, как геометрия физического мира с материей, причем, тоже обладая некими внутренними степенями свободы, переносит идеи базисных технологических инноваций как производительную энергию через «пустоту». Аналог гравитационного излучения здесь - скорее всего, информационное. Если придерживаться идей, обращенных к физическому миру [10], то отдельные нововведения такого рода допустимо идентифицировать с областями экономического пространства, в которых оно искривлено сильнее, чем вокруг. А при восприятии и в данном случае этих искривлений как крутых холмов посреди равнины распространение всякой подобной инновации предстает как перемещение такого «холма» по экономическому пространству от одной его точки к другой.

Ареной действия геометродинамики физического мира, как известно, полагается суперпространство [10]. Перенося это на хозяйство, можно принять за поле его технологического обновления пространство-время, а динамическими явлениями считать и сами базисные инновации, и время. Тогда экономическое суперпространство предстает как множество, каждый элемент или отдельная точка которого - «n-геометрия» с изменениями «капитал», «труд», прочие факторы производства. Мгновенная технологическая структура хозяйства как совокупность их определенных соотношений выступает в этом случае понятием вторичным - событием, которое лежит на пересечении данной «n-геометрии» с положительно определенной метрикой в качестве мгновенной конфигурации экономического пространства (понятия первичного) или отдельной точки суперпространства и других «n-геометрий». Допуская, что изменения скорости сдвигов правил хозяйственного поведения относительно его мотивов и моделей пренебрежимо малы, любую такую геометрию можно интерпретировать как некую единую мировоззренчески-институциональную среду (MIS), стимулирующую замещение каждого из этих факторов другими согласно особым закономерностям и соотношениям.

Положительно определенная метрика MIS гарантирует, что любой параметр хозяйства локален в каждой точке этой конфигурации и не связан с какими бы то ни было параметрами, относящимися к другой его технологической структуре. Но они «коммутируют» в том смысле, что могут быть одновременно определены на всей данной «n-геометрии». Удовлетворяя условиям интерференции, такая MIS как пространственно-подобный разрез «(n+1)-геометрии» выступает носителем временной информации. Любые две такие динамически допустимые структуры могут пересекаться и разложение «(n+1)-геометрии» на элементы дает



бесконечное множество MIS, каждая из которых имеет единственную жестко фиксированную локализацию во времени.

Последовательность точек экономического пространства, в которых возникают базисные технологические инновации и выполняются все интерференционные условия, по аналогии с квантовой физикой, можно считать мировой линией технического прогресса. Тогда « $(n+1)$ -геометрия» как совокупность MIS, удовлетворяющих таким условиям, образует геометродинамический закон движения экономического пространства и ее допустимо интерпретировать как экономическую историю человечества.

Такая история началась с пробуждением разума [4], причем ей свойственна конвергенция различных стран касательно мыслительных конструкций, мотивов, правил хозяйственного поведения их народов, определяемая духовной связью последних на основе трансцендентной взаимопронизанности, при вере в которую всякая индивидуальность понимает, что как момент человечества она безгранична. Аппроксимация этого общего истока взаимопроникновением благодаря обмену информацией позволяет людям открывать в себе новые измерения как нетривиальные мыслительные конструкции, мотивы, правила поведения, прежде неизвестные способности. Это и есть пробуждение разума, а история - процесс осознания трансцендентной взаимопронизанности, движения к ней как к истине из предыстории, когда локальные культуры (и хозяйства), уже связанные «обменом веществ», еще сохраняют автономию разума.

«Идеальная ось», вокруг которой это происходит, условно сравнима с теоретической линией регрессии, которая, однако, не поддается корректному аналитическому определению, ибо количество существенных переменных здесь огромно, а доступная статистическая выборка в сопоставлении с ним ничтожна. Графическим аналогом упомянутой последовательности MIS в качестве действительного «осевого времени» можно считать эмпирическую линию регрессии. Эта «реальная ось» - ломаная линия, зигзаги которой отражают влияние случайности на экономическую историю человечества. Таково происхождение всех MIS, которые при различных утопических экспериментах рождаются желанием людей опередить естественный ход событий.

Это движение требует готовности к обмену информацией и свободы «под знаком веры», ибо иначе «человек подчиняется... мыслимому, мнимому, представляемому, доктринам, а это, в свою очередь, ведет к насилию, хаосу и крушению» [4, с.227]. Но то и другое возможно лишь при открытости для людей изъявления собственной воли, которая пробуж-

дается не раньше, чем человек приобщится к знанию и научится, размышляя, осознавать ее. А «законодательное предоставление» свободы людям, не подготовленным к этому самовоспитанием, «внезапно может не только привести к охлократии и в конечном итоге к тирании, но уже до этого способствовать тому, что власть окажется в руках случайно поднявшейся клики, поскольку население, по существу, не знает, за что оно отдает свой голоса» [4, с.180]. Жизнь не раз подтверждала это.

Человек обречен в поте лица своего добывать хлеб насущный, причем неизбежный момент любого хозяйственного действия - размышление его субъекта, подчиняться или не подчиняться чужой воле (будь, что будет, или будь, что должно быть). Ответ на такой вопрос зависит от ожиданий насчет издержек и результатов, которые регулярно сопоставляются друг с другом. Он постоянно уточняется вместе с этими ожиданиями, принимая во внимание накопленный опыт. Налицо самообучение, приводящее от противного к осознанию собственной воли в хозяйственной жизни. А потому экономика всегда - переплетение отношений, легитимных и не предусмотренных государственными законами, причем всякий субъект хозяйства, иногда даже не подозревая о том, оказывается участником как одних, так и других. Но если при этом люди исходят из веры, пребывающей в союзе со знанием, они создают институты, в конце концов, формирующие ту легитимность, при которой индивидуальность (личностная или групповая) только и может вполне состояться, т.е. реализовать себя, а, следовательно, и общечеловеческие возможности, закодированные в ее специфичной предметности.

## **Роль свободной экономики**

Источник потенциальных изменений такого рода - незарегулированная экономика, свободная от легитимных правил хозяйственного поведения, которую часто неудачно называют «теневой», полагая, что ее нужно извести и это достижимо, если государство как следует возьмется за дело. Однако, думающим так невдомек, что экономическая динамика - результат борьбы двух никогда не реализуемых крайностей: одна - спонтанная деятельность отдельных людей и их общностей, исходя лишь из собственного представления о ее целесообразности и возможностях, другая - действия «запрограммированные», т.е. в соответствии с предписываемым извне. При этом легитимные нормы поведения в любой момент в чем-то соотносятся с тем, как понимают реальность различные индивидуальности, и с их интересами, а в чем-то нет. В меру одного те становятся субъектами, а в меру другого - объектами управления со

стороны иных людей и своей повседневной деятельностью так ассимилируют эти нормы, чтобы социум из условного расчленения на субъект и объект управления превратился в их взаимопроникновение, совмещающее их знания и согласующее их интересы.

Поэтому действительная экономика всегда объемней ее рафинированного образа, воспринимаемого сквозь призму общепризнанного мышления и существующей правовой системы, на неформальные, незарегулированные ими отношения, посредством которых и реализуется такая ассимиляция, а вместе с тем, инициатива, основанная на продвинутом понимании хозяйственных возможностей и опасностей. В сущности «теневая экономика» и является именно отношениями такого рода [11] \*.

«Упорядоченный механизм с его окончательно ограниченными функциями, обязанностями и правами, - как заметил Ясперс, - противопоставляет себя опасной для существующего порядка инициативе, индивидуальной смелости, истокам, без которых, однако, целое не могло бы продолжать существовать во все новых ситуациях среды... Организация разрушила бы то, что она стремится обеспечить для человека как человека, если бы противоположные ей силы не держали ее в узде...». Человек создает «мир планированного порядка, пытаясь перейти его границы там, где они обнаруживаются... как его противники, но в них он... и присутствует в качестве самого себя, того, кто не входит в установленный порядок. Если бы он полностью одолел противника порядка своего существования, он потерял бы самого себя в созданном им мире» [4, с.322].

Движение, о котором идет речь, и есть спонтанное возникновение, а затем прорастание в культурные стереотипы потенциальных изменений тех правил и моделей хозяйства, которые препятствуют его естественному развитию. Такие изменения, в конечном счете, становятся социальными нормами, оберегая рассудок и право от окостенелости - превращения в панцирь, отгораживающий людей от мироздания и обрекающий их на гибель. При этом, пытаясь выделить полезный сигнал на шумовом фоне незарегулированной экономики, следует иметь в виду, что суть эволюции хозяйства определяется тем абсолютным пределом, который заключен в движении знания, и состоит в неотделимом от обмена информацией росте разнообразия образа жизни человека, приближающем воплощение упомянутой трансцендентной целостности. Иная трактовка этого процес-

---

\*Она воплощает движение, как необходимое прокладывающее себе путь через бесконечное множество случайностей - различных внешних проявлений этой ассимиляции. Среди них встречаются и безнравственные, и сугубо криминальные, которым, конечно, необходимо противостоять адекватными способами.

са сопряжена с приписыванием ему надуманной, чуждой для него цели.

Вектор эволюции экономики постоянно уточняется под влиянием необходимости для ее развития ресурсов, внешних по отношению к человеку, ибо из-за недостатка таких ресурсов, которые пользуются у людей наибольшей популярностью, относительно масштабов совокупных запросов на них (или технологий их освоения, или времени для этого), синхронное общественное признание всех этих притязаний и, стало быть, одобрение всех индивидуальных хозяйственных предпочтений невозможно. Получается, что в каждый момент кто-то в силу обстоятельств, внешних по времени (благодаря лучшей предшествующей личной подготовке к занятиям, которые требуют расхода подобных ресурсов) или по месту обитания (вследствие природных условий территории, исторического развития ее хозяйства и т.п.), в этот момент способен добиться своего, следуя легитимным правилам, а кто-то вынужден уступать. Поэтому общий экономический рост оказывается значительнее, чем в противном случае, и победившие в легальном соперничестве извлекают своего рода ренту, а «проигравшие» несут урон, ибо им остаются дела, в их понимании не столь доходные и менее привлекательные.

Действующие легитимные правила хозяйства могут предусматривать какую-то компенсацию таких потерь. Но чем меньше она, тем более «потерпевшие» стремятся добиться ее самовольно - изымая в свою пользу упомянутую ренту через «теневую экономику». Обычно так вознаграждаются не сами по себе их трудовые усилия. Но если это изъятие соответствует приращению общественного продукта, которое определено свойствами внешних ресурсов и занятий, доставшихся «победителям», а не их личными качествами, то, уравнивая всех в отношении к этим ресурсам, оно позволяет получить представление о всеобщей ценности деятельности (и образа жизни) каждого участника хозяйства. Сложив часть общественного продукта, присвоенную субъектом на законных основаниях, с доставшейся ему компенсацией потерь или уменьшив эту часть на изъятую у него ренту, можно определить его конечный (интегральный) доход.

Необходимое условие соответствия этого дохода участника хозяйства всеобщей ценности его индивидуального образа жизни - равенство результата либо сумме добавленной стоимости, созданной усилиями данного субъекта, и ее производства, упущенного им из-за согласия, чтобы какие-то внешние ресурсы использовались другими людьми, либо разности между нею и возмещением из его ренты другим людям названного ущерба в размере, не превышающем прироста такой стоимости благодаря уступкам с их стороны. Это возмещение «потерпевшие» могут употре-

бить на оплату всего того (образования, профессиональной подготовки, технического переоснащения, смены места жительства и т.п.), что способно сделать экономически состоятельными их притязания на внешние ресурсы, которые необходимы для желанной деятельности. Если компенсации хватает, чтобы за срок, приемлемый для получателя (т.е. с учетом ее адекватного дисконтирования), согласовать его конкурентоспособность при распределении ресурсов с хозяйственными предпочтениями, то выполняется достаточное условие соответствия интегрального дохода субъекта всеобщей ценности его образа жизни.

Незарегулированная, свободная экономика рационализирует кооперацию в масштабах всего хозяйства, обеспечивая такое сложение индивидуальных способностей, которое приумножает его результат. При этом в каждый момент экономический рост достигается благодаря отдаче от деятельности людей, которые получают в свое распоряжение самые эффективные внешние ресурсы. Но это происходит вследствие компромиссного поведения других «кооператоров», вносящих тем самым в экономический рост определенный вклад помимо непосредственно трудового, за что они и вознаграждаются компенсацией в пределах выгоды, которая иначе была бы упущена в легитимном хозяйстве. А люди, которые ради такого возмещения лишаются части ренты, отдают приобретенное ими по причине, независимой от собственных усилий. И появляется возможность того, что в обозримом будущем соперники поменяются ролями.

Альтернатива этому - стагнация экономики и рост социальной напряженности, что способно завершиться катастрофой. Ей противостоит то, что количества отдельных товаров, равновеликие по изменениям интегральных доходов, т.е. одинаково весомые с позиций всеобщей ценности индивидуального образа жизни людей, заинтересованных в соответствующих благах, при любом ином соизмерении, в частности по ценам производства, неэквивалентны. И возникающая разница оказывается источником для инвестиций, актуализирующих такие задатки людей, которые превосходят пока применяемые в хозяйстве. Это позволяет в рамках отдельных стран и на международном уровне предотвращать кризис как вынужденное преодоление внешней обособленности внутренне несамостоятельных процессов разделения труда и его модернизации.

Таким образом, эволюции экономики присуща тенденция адаптировать достоинства частной собственности, отторгая ее свойства, которые тормозят движение хозяйства к единству, тождественному трансцендентной целостности. Вместе с тем, ослабевает зависимость его разви-

тия от ресурсов внешнего происхождения, что в силу закона сохранения достижимо только при их замещении результатами человеческого самопознания, преобразующего гетеротрофный прогресс хозяйства в автотрофный [11].

Однако и такое самопознание не может обойтись без внешних средств, ибо совершается на фоне природных инстинктов людей, а потому, чтобы доставляемая энергия превышала расходуемую, нуждается в их избавлении от уз доктринальных правил поведения благодаря информационному взаимопроникновению. И в странах, где отсутствует нацеленная на это инновационная культура хозяйства, его участники пока обретают возможности такого избавления преимущественно не на законных основаниях за пределами рыночного обмена, а вне сферы его легитимных отношений, тем более мнимых, чем беднее национальный опыт свободного предпринимательства.

### **Эффекты обратных связей поведения**

Ключ к пониманию, как изменить эту ситуацию, дает такое свойство поведения личностных и групповых индивидуальностей, как эффекты его обратных связей [12, 13 и др.]. Они при кажущемся совпадении с «внешними эффектами» [14] на самом деле универсальней и распространены гораздо шире. Бывает, что ликвидация причин внешних эффектов невозможна, но чаще случается, что это - вопрос выгоды соответственно ориентированных усилий и времени, которое требуется для достижения поставленной цели. А причина эффектов обратных связей поведения в принципе пока неустранима.

Предпочтение, которое человек, постигая свою сущность, в тот или иной период отдает какой-то хозяйственной деятельности и адекватному ей образу жизни, кристаллизуется в борьбе его природных инстинктов (включая жажду власти) и духовных позывов, а обнаруживается устраивающим его «доходом». Это - находящая выражение в деньгах определенная комбинация удовлетворяемых интересов к внутреннему смыслу занятия, творчеству, новому знанию, потребительским благам и услугам, престижу, свободному времени и т.д. Такая комбинация, сама создавая для этого условия, претерпевает исторические изменения при замещении одной MIS другой.

Когда какая-то индивидуальность, под давлением ли внешних сил, вследствие экономической несостоятельности или добровольно, отказывается от деятельности, сулящей больший «доход» такого рода, в пользу иного занятия и уступает другим необходимые для нее внешние ресурсы,

у остальных людей, вместе взятых, возникает приращение суммарного дохода, которое и представляет собой эффект обратных связей ее поведения. Этот эффект, в отличие от внешнего, обнаруживающего нарушения лишь экономических прав людей, проявляет ущемление их естественных прав на занятие по своему усмотрению любой общественно безопасной хозяйственной деятельностью.

Острота разногласий, возникающих по поводу естественных прав, в значительной мере зависит от эластичности спроса на труд, а она - от мобильности людей, которая может сдерживаться слаборазвитым рынком жилья, высокими транспортными тарифами и т.п. Но особенно заметно на нее влияет внутренняя неоднородность мирового рынка труда и его регионализация в отдельных странах по национальному признаку при естественности права доступа различных компактно проживающих народов к желанным занятиям в местах исторического расселения. При этом из-за территориальных различий условий хозяйства в каких-то регионах получает преимущественное развитие деятельность, сравнительно высокодоходная, а жители других местностей несут потери, связанные с этим, поскольку вынуждены заниматься делами, менее достойными.

Аналогичны последствия ослабления мобильности капитала из-за разных предубеждений, порождающих выборочные ограничения его перелива в другие страны, регионы и отрасли хозяйства. Таким образом, разногласия относительно естественных прав людей переносятся на уровень отношений, определяющих устойчивость внутригосударственного или мирового порядка, и отвести угрозу его распада, который чреват многократно большими издержками и потерями, может лишь регулярное возмещение упомянутых убытков путем перераспределения эффектов обратных связей поведения.

Длительное становление человеческого бытия свидетельствует, что подобное возмещение на уровне международных отношений и отдельных стран в тех или иных формах и масштабах происходит, но не всегда и не повсеместно, поскольку история сохранила немало свидетельств «естественной кончины» различных человеческих образований. Конечно, носители движения богатства в любой из экономических форм, господствовавших до сих пор, вряд ли догадывались о существовании эффектов обратных связей поведения и не могли усматривать выгоду в таком возмещении. Оно бессознательно отдавалось на произвол судьбы и долго происходило не упорядоченно и очевидно, а главным образом произвольно и латентно (через «теневую экономику» или неэкономические процедуры, как то - хищения, разбой и т.п.), не регулярно и бескров-

но (воплощением в жизнь соответственно ориентированных государственных программ, которые бы служили почвой для обнадеживающих ожиданий), а единовременно и с обильными жертвоприношениями (в пределе - путем войн, бунтов, революций).

Однако последние десятилетия все более отчетливыми становятся признаки стремления обеспечить согласие во внутрисоциальных и международных отношениях, по сути, путем перераспределения таких эффектов на правовой основе. Это - внутри- и межгосударственные трансферты, льготное финансирование, кредитование, налогообложение депрессивных хозяйств, «помощь» развивающимся странам средствами международных фондов, списание долгов таких экономик, социальная поддержка малоимущих за счет повышенных бюджетных сборов с высокодоходного предпринимательства, допуск наемных работников к участию в распределении прибылей и формировании основного капитала корпораций, к управлению ими и т.д.

Последовательная реализация такого стремления отвергает любую иную экономическую форму богатства, кроме всеобщей ценности индивидуального образа жизни, и делает ее денежное выражение - соответствующие интегральные доходы - мерой эквивалентности обмена. Однако адекватные этому методы перераспределения эффектов обратных связей поведения с трудом прокладывают себе дорогу к общественному и международному признанию, потому что они, решая задачу создать условия, позволяющие экономически недостаточно состоятельным субъектам хозяйства заниматься деятельностью, предпочитаемой, но недоступной тем из-за их слабой конкурентоспособности, модифицируют привычные отношения в их особенности нацеливать подавляющую часть перераспределяемого непосредственно на подъем личного потребления.

Такая канализация возмещения снижает его стимулирующее воздействие на выбор и интенсивность занятий субъектов хозяйства, не позволяет преодолеть отсталость тех свойств одних и исключить стагнацию тех свойств других, которые фундируют экономический рост. В итоге различия их экономической состоятельности часто усиливаются, а необходимые расходы в счет компенсации эффектов обратных связей поведения оказываются самовозрастающими, так что со временем все большая часть общественного и мирового богатства растрачивается попусту, потворствуя не тому, чтобы человек обрел себя среди других людей, а его отчуждению от них и противопоставлению им. Отсюда конфликты, обезображивающие бытие и ставящие его на грань краха.

Такие конфликты вынудили развитые страны начать легитима-



цию перераспределения богатства, считаясь с всеобщей ценностью индивидуального образа жизни. Это открывает перед получателями компенсации в счет эффектов обратных связей путь превращения за приемлемое время в конкурентоспособных претендентов на предпочитаемые хозяйственные занятия и содействует становлению отношений солидарности, постепенно возводящих на национальный и международный уровень принципы по сути общинной собственности. А она, как заметил Прудон, «более пригодна для применения в жизни, чем абсолютное «dominium» римлян, которое воскресло в нашем праве собственности. Никакой разумный экономист не может желать большего» [15, с.196].

Всеобщая ценность индивидуального образа жизни по мере такого перераспределения и становления соответствующей мировоззренчески-институциональной среды хозяйства все увереннее чувствует себя при оценке его развития. Такая форма богатства подобно «клеточке» обнаруживает все качества солидарности как способа долговременного интенсивного производства в условиях глобализации, а «капитал» и «потребительская полезность» утрачивают свою значимость, постепенно ограничиваясь кругом явлений, в котором претензии того и другого ориентировать движение экономики соответствуют их возможностям правильно соизмерять затраты и результаты только краткосрочного экстенсивного узконационального общественного воспроизводства.

Эволюция экономики отвела компенсации в счет эффектов обратных связей поведения как слагаемому интегральных доходов роль необходимого внешнего дополнения имманентных человеку во всей полноте его сущности, но еще недостаточно осознанных им мотивов хозяйственных действий. Однако, когда эта компенсация осуществляется преимущественно через «теневую экономику», соответствие таких доходов всеобщей ценности индивидуального образа жизни (соразмерность возмещения названным эффектам и его использование по должному значению) оказывается закономерностью, обнаруживаемой лишь на множестве случайных событий, законы распределения вероятностей которых неизвестны. Ослабить ее нарушения способно лишь государство при определенных правилах формирования хозяйственной политики.

Разработка такой политики должна быть организована как итеративный обменный процесс переговоров между властями разных уровней, который бы следовал критерию общественного согласия и завершался принятием отвечающих этому решений (о налогообложении и расходовании бюджета, регулировании бизнеса и т.п.), подготовленных совместно и выступающих в качестве свода экономически ответственных обязательств составителей друг перед другом, а равно каждого

из них - перед предпринимателями и населением, делегировавшим ему полномочия. Подобный подход, родственный взглядам К.Викселя [16], Дж.Роулза [17], Дж.Бьюкенена, Г.Таллока [18] и др., в России независимо развивается и отстаивается с середины 1960-х гг. [11, 12, 19 и др.].

Экономическая ответственность сможет направлять действия работников государственных учреждений в нужное обществу русло и отвращать от коррупции, только если сообразуется с их привычкой извлекать собственную выгоду из отправления должностных функций и будет, с одной стороны, помогать росту, а с другой - угрожать сохранению материального благополучия и социального статуса этих людей как его залога и источника власти, обладание которой само по себе - сильнейший побудительный мотив их деятельности. Механизм, пригодный для этого, описан в [19, 20 и др.].

Решится ли государство на внедрение такого механизма? Следует иметь в виду, что оно возникло как синтез непреходящих противоположностей - насилия и убеждения - в отрицание власти предшественников потому, что при сложившихся обстоятельствах, используя в качестве инструмента не традицию, а право, лучше обеспечивало соответствие отношений отдельных людей и их объединений друг с другом выживанию всего общества. Но нормы права справляются с этим, лишь если регламентируют такие отношения сообразно восприятию реальности сознательным носителем движения богатства общества, и потому должны совершенствоваться, попевая за происходящими в нем событиями. А в его недрах время от времени наливаются соками новая экономическая форма богатства, все настойчивее претендуя на господство в отношениях между людьми и соответственно вознося носителя своего движения.

Это - с одной стороны. С другой, государство, стремясь охватить своей властью как можно больше людей и территорий, технологически налаживает ее необходимую основу - систему информации. А такая система, безразличная к возводимому на ней зданию, становится проводником культуры и потому резко усиливает влияние на общество источника иной, интеллектуальной власти - латентного центра, который не нуждается ни в правовом оформлении, ни в аппарате принуждения, ибо инструмент его воздействия - это авторитет нравственного идеала, выявленного таланта, выдающихся знаний, неповторимого умения. Государство сосредоточено на том, чтобы общество сохраняло *тождественность* самому себе, регулярно воспроизводя преобладающее в нем содержание сознания (и соответствующие отношения собственности), тогда как этот центр столь же постоянно (желают того олицетворяющие его люди, синхронна ли вообще их эмпирическая жизнь с данной формой

государственности или нет) инициирует возмущения внутри общества, оказываясь возбудителем его *динамичности*.

Отсюда неизбежная конфронтация самой жизни со сложившейся легитимностью, которой противостоит естественное право носителя движения богатства в форме, претендующей на господство. Она соответствует новому пониманию реальности, выражением которого служит. Это противоречие преодолевается синтезом из того и другого иного государственного устройства, которое, отрицая прежнее, соотносит легитимные нормы с изменившимся общественным сознанием, а следовательно, с практически модернизированными экономическими отношениями. Таким образом, «меняя кожу» ради самоутверждения, государство идет на компромисс с латентным центром и приобретает к его ценностям, как происходило, когда абсолютизм уступал место парламентарной монархии, она - республике и т.д., т.е. самоутверждение оказывается самоотрицанием: содержание государства как синтез убеждения и принуждения шаг за шагом исчерпывается (а соответственно сжимается сфера действия «теневой экономики»), пока, в конце концов, совсем не отождествится с авторитетом этого центра.

Распространение в экономической жизни отношений солидарности порождает адекватный именно им взаимовыгодный обмен. Он отличается от эквивалентного при прежних измерителях ценности товаров. Об этом говорят все более частые нарушения традиционно понимаемого принципа рентабельности, прогрессирующая эрозия общей нормы прибыли и цен производства в точном смысле слова, особенно в развитых странах. Такие явления иногда связывают с профессиональной ущербностью корпоративного менеджмента или государственного вмешательства в хозяйство. Вероятно, не обходится и без этого, но их главная причина в постепенном приспособлении экономики к всеобщей ценности индивидуального образа жизни как новой форме богатства.

Эта форма зиждется на отношении каждой человеческой индивидуальности к другим как к наделенным особыми, только им присущими деловыми задатками, актуализация которых раскрывает специфические возможности всех людей, а значит и ее собственные. И власть подобных способностей, равных в своем различии, выявляемых и приводимых в действие благодаря солидарности людей, предстает как их власть по отношению друг к другу. Способ производства, при котором такая форма возобладает, обретет магию своим ходом объединять эти задатки с условиями их реализации, а потому воссоздавать и увековечивать саморазвитие человека.

Вечными страницами времени как полюсные абстракции являются

полная ценностная неразличимость и дифференцированность жизненных благ, а соответственно, всеобщая («ничья») и частная («исключительно индивидуальная») собственность на них. Из этого «тезиса» и «антитезиса» в определенных исторических условиях синтезируется скоротечная под стать им реальность - какая-то господствующая форма богатства и собственности. Эта форма отрицает свою предшественницу, но, изменяя внутренний мир людей, а вместе с тем и внешние обстоятельства их бытия, с необходимостью естественного процесса порождает свое отрицание. Таким отрицанием по отношению к «капиталу» и выступает всеобщая ценность индивидуального образа жизни. С ее ростом убывают эффекты обратных связей поведения, а солидарность вместо реализации путем перераспределения результатов хозяйственной деятельности все более осуществляется непосредственно в ней самой - как интеллектуальное взаимопроникновение ее участников благодаря обмену информацией. Поэтому в растущем разнообразии выявленных способностей становясь все более неравными, они делаются друг для друга, а, следовательно, для экономики в целом все более равноценными.

## Цикличность развития

Такому процессу присущи волнообразные движения экономики, которые образуют по сути вложенные одни в другие регулярно повторяющиеся колебания разной продолжительности. По моему мнению, в основе этого лежат «притяжение» и «отталкивание» хозяйственной материей продуктивности. Эти ее фундаментальные свойства влекут технологические изменения хозяйства, с которыми специалисты в большинстве и связывают подобные движения, считая, что так отображается его последовательный переход от одного к иному состоянию сбалансированности по наличию ресурсов определенного типа и потребностям в них. При этом классификационным признаком «ресурсов» служит длительность их жизненного цикла. Статистически достоверно установлено наличие в этом процессе малых (3-3,5-летних), средних (7-11-летних) колебаний и отмечено появление больших - так называемых «длинных» (40-60-летних) волн.

Такие волны образуются из-за нарушений баланса основных капитальных благ, затем восстанавливаемого благодаря реализации достижений научно-технического прогресса, характеризуемого базисными и улучшающими инновациями. При этом те, которые во время каких-то колебаний выступают базисными, определяя их протяженность, по отношению к инновациям на охватывающих волнах оказываются лишь

улучшающими. Но помимо технических новинок это могут быть организационные и мотивационно-мировоззренческие, которые, вероятно, порождают сверхдлинные - гипер- и суперволны в развитии экономики. Об этом говорят исторические факты [21 и др.].

Можно предположить, что параметры волн каждой разновидности зависят от переменных охватывающей их волны большего цикла и вообще характеристики способа производства, существенные под углом зрения всякого меньшего цикла, за сколько-то его итераций достигают столь устойчивого состояния, из которого их способна вывести только очередная волна превосходящего цикла, которая требует инноваций, базисных по отношению именно к нему. Их возникновение объяснимо следующим. Хозяйство как объект каждого меньшего цикла - относительно равновесия соответствующего типа - предстает линейной системой, но относительно равновесия иного типа это - открытая нелинейная система. В одном случае для экономики характерны внутренние событийные причины колебаний, в другом ей потенциально присуще множество разных законов поведения. Известно, что в открытой нелинейной системе как первоначально однородной среде благодаря потоку энергии извне, диссипативно распространяющемуся, способны спонтанно возникать упорядоченные в пространстве и времени различные структуры [22]. При этом малые мотивационно-мировоззренческие возмущения могут оказаться достаточно большими, чтобы вызвать организационные последствия, которым по силам переориентировать технический прогресс.

Процесс структурных преобразований хозяйства подобен такой непрерывной последовательности нарушений симметрии, в которой новая симметрия допускает его большее технологическое или организационное разнообразие в рамках фиксированной, соответственно, институциональной или мотивационно-мировоззренческой среды. Адекватная неравновесному поведению нелинейность экономики предполагает обмен устойчивостью между ее различными альтернативными структурами каждого типа. В ходе ее развития это аппроксимируется обменом информацией между всяким охватываемым циклом и непосредственно охватывающим его. Благодаря этому хозяйство как объект первого, рассматриваемого автономно, соотносится с самим собой, взятым в рамках второго, как реальность актуальная с потенциальной. Последнюю можно трактовать как единство, содержащее в свернутом виде, в скрытой форме множество альтернативных структур, из которых при каждой волне охватывающего цикла какая-то обретает, а какая-то утрачивает пространственно-временную определенность.

Охватывающий цикл тем самым задает внешние условия охватываемого, отделяя альтернативные структуры экономики как его объекта, каждая из которых может актуализироваться при каком-то критическом состоянии хозяйства, от того, что никогда не способно реализоваться. А внутренние изменения хозяйства в качестве такого объекта относятся к субъективным условиям охватываемого цикла, причем подобные условия меньшей волны «поглощаются» субъективными условиями большей, разнообразие которых растет, тогда как разнообразие «объективных», внешних для экономики условий ограничивается. Отсюда следует, что изменения субъективных условий хозяйства во всяком меньшем цикле при очередной итерации охватывающего тем более велики, чем значительнее один удален от другого в иерархии разнотипных волн. Поэтому наступление очередной волны организационных новаций сильнее сказывается на разнообразии внутренних причин экономического роста, чем неравновесность хозяйства, определяемая технологически. Но на разнообразии подобных причин их собственного изменения мотивационно и мировоззренчески обусловленная неравновесность хозяйства влияет гораздо заметней очередного цикла организационных новшеств.

Однако, когда хозяйство рассматривается под углом зрения некоторого охватывающего цикла, тогда с самим собой, взятым в рамках охватываемого цикла, оно тоже соотносится как реальность актуальная с реальностью виртуальной. Ведь возможны разные улучшения базисной технологии, которая определилась охватывающим циклом, и при возникновении в охватываемом соответствующих обстоятельств в каждой из групп альтернативных улучшений какое-то актуализируется там как локальная инновация. При этом из-за упомянутого «поглощения» могут измениться внутренние условия преобразований, выступающих объектом охватывающего цикла, а потому и определяемая ими структура хозяйства. Вероятность таких явлений тем значительнее, чем менее циклы удалены друг от друга в иерархии разнотипных волн экономического развития.

Применительно ко всякому промежуточному циклу этого процесса возможно нарушение любой симметрии. Стало быть, никакой закон сохранения здесь не абсолютен. Но допустим, на том основании, что мотивационно-мировоззренческие инновации есть не более чем результат постижения людьми независимого от них смысла человеческой жизни, гипотеза об асимптотичности всего процесса верна. Значит развитию экономики присуща некоторая «генеральная» волна без охватывающего цикла. Тогда существует такая симметрия, определяющая границу хозяйства, которую нельзя нарушить без того, чтобы его структура в

качестве объекта этой волны, оказываясь безальтернативной, не отождествилась бы с внутренними условиями, т.е. форма не слилась бы с содержанием, и целое не превратилось бы вполне в целостность.

Проанализируем взаимосвязи охватываемых и охватывающих циклов экономического развития с помощью следующей системы моделей. Будем считать длинные волны существующими и используем их упрощенную формализацию из [23]:

$$\begin{aligned} \frac{dy}{dt} &= -\alpha \cdot (y - b \cdot k), \\ \frac{dk}{dt} &= -\beta \cdot (k - g \cdot p), \\ p &= y - k. \end{aligned} \quad (1)$$

Здесь  $y$  - темп прироста производительности труда;  $k$  - темп прироста капиталовооруженности;  $p$  - темп прироста нормы прибыли;  $\alpha$  - коэффициент приспособления скорости  $y$  к  $k$ ;  $\beta$  - коэффициент приспособления скорости  $k$  к  $p$ ;  $b$  - среднее (или необходимое) соотношение между  $y$  и  $k$ , знак которого показывает направление изменения  $y$  относительно точки равновесия;  $g$  - среднее (или необходимое) соотношение между  $k$  и  $p$ , знак которого показывает направление изменения  $k$  относительно точки равновесия.

В соответствие этой модели поставим следующую формализацию гиперволн, связанных с таким устареванием и обновлением институциональной среды бизнеса, в ходе которого появляются технологические инновации, базисные для «длинных волн»:

$$\begin{aligned} \frac{d\alpha}{dt} &= -\mu \cdot (\alpha - \eta \cdot b), \\ \frac{db}{dt} &= -\delta \cdot (b - \nu \cdot g), \\ g &= \gamma \cdot \alpha - b. \end{aligned} \quad (2)$$

Здесь:  $\alpha$ ,  $b$ ,  $g$  сохраняют вышеуказанный смысл;  $\mu$  - коэффициент приспособления скорости  $\alpha$  к  $b$ ;  $\delta$  - коэффициент приспособления скорости  $b$  к  $g$ ;  $\eta$  - коэффициент приведения  $\alpha$  и  $b$ , измеряемых в разных единицах, к сопоставимому виду, одновременно характеризующий среднее или необходимое соотношение между ними;  $\nu$  - среднее (или необходимое) соотношение между  $b$  и  $g$ , знак которого показывает направление изменения  $b$  относительно точки равновесия;  $\gamma$  - величина, обратная  $\eta$ .

Система (2) отображает ускорение (замедление) адаптации  $y$  к  $k$ , а

также быстроту приспособления сдвигов у относительно точки равновесия к подобным сдвигам к под влиянием зависимости от устаревания и обновления институциональной среды бизнеса. Такая картина взаимоотношений охватывающего цикла с охватываемым представляется характерной для волн всех типов: происходящее со структурой объекта меньшего цикла обнаруживается изменениями коэффициентов приспособления скоростей движения одних переменных данного объекта к скоростям движения других и средних соотношений между ними. Поэтому модели суперволн, связанных с устареванием мотивационно-мировоззренческой среды бизнеса и ее обновлением, порождающим базисные институциональные инновации, придадим вид:

$$\begin{aligned} \frac{d\mu}{dt} &= -\zeta \cdot (\mu - \xi \cdot \eta), \\ \frac{d\eta}{dt} &= -\sigma \cdot (\eta - \omega \cdot \nu), \\ \nu &= \rho \cdot \mu - \eta. \end{aligned} \quad (3)$$

Здесь  $\mu, \eta, \nu$  сохраняют тот же смысл, что в (2), а  $\zeta, \sigma, \xi, \omega$  и  $\rho$  интерпретируются по аналогии с  $\mu, \delta, \eta, \nu$  и  $\gamma$ .

Модель (1) при некоторых значениях  $\alpha, \beta, b, g$  подтверждает существование длинных волн с периодом  $\tau$  [23]. Исходя из предположения, что они «погружены» в порождаемые институциональными изменениями гиперволны, с помощью модели (2) определим период последних ( $\Theta$ ) и значения параметров этой модели, при которых бы  $\tau$  укладывалось в соответствующий интервал. Допустим, что  $\Theta$ , согласно сведениям по истории институциональных преобразований (например, [24]), следует искать в интервале 70-90 лет. При  $2\pi/\sqrt{\mu \cdot \delta} = 70$   $\nu = -2$  и, стало быть,  $\mu = \delta$ . Отсюда  $2\pi / \delta = 70, \delta = \mu \approx 0,0898$ . Округление  $\delta$  и  $\mu$  до 0,09 дает  $\Theta \approx 69,8$  года. Считая, что  $2\pi/\sqrt{\mu \cdot \delta} = 82,5$  или, при тех же условиях получаем  $\Theta \approx 82,7$  или 87,3 года.

Далее, решим систему (2), имея в виду, что при  $\eta = 1 / \gamma$  полином  $\lambda^2 + \mu \cdot \delta \cdot (\nu + 1 - \eta \cdot \nu \cdot \gamma) = 0$  превращается в  $\lambda^2 + \mu \cdot \delta = 0$ . Характеристическое уравнение модели (1) имеет вид:

$$\lambda^2 + [\alpha + \beta \cdot (1 + g)] \cdot \lambda + \alpha \cdot \beta \cdot (1 + g - b \cdot g) = 0 \quad (4)$$

и колебания в ней возникают при условиях:

$$\begin{aligned} \alpha + \beta \cdot (1 + g) &= 0, \\ \alpha \cdot \beta \cdot (1 + g - b \cdot g) &> 0. \end{aligned} \quad (5)$$



В этом случае период колебаний

$$\tau = 2\pi / \sqrt{\alpha \cdot \beta \cdot (1 + g - b \cdot g)}. \quad (6)$$

Исходя из (6) и считая, что  $\tau \leq \Theta$ , т.е.

$$2\pi / \sqrt{\alpha \cdot \beta \cdot (1 + g - b \cdot g)} \leq 2\pi / \sqrt{\mu \cdot \delta}, \quad (7)$$

найдем  $\beta$  и  $g$  при значениях  $\alpha$  и  $b$ , фиксированных согласно известным результатам их оценивания для модели (1) [23, с.120].

Подстановка  $\alpha$ ,  $b$ ,  $g$ ,  $\beta$  в модель (1) позволяет найти ее решение  $(y, k, p)$  с периодом  $\tau$ , удовлетворяющим (7) в точках  $t$ , которые соответствуют концам последовательных периодов гиперволн избранной длины. Скажем, при  $\Theta = 70$  это все  $t$ , кратные 70. Для них проверим условие:

$$|\tau_t - T| \leq \varepsilon \quad (8)$$

где  $T$  - середина или граница интервала значений  $\tau$ , существование которого доказано расчетами на конкретной экономической статистике. При обнаружении, что для каких-либо  $t$  условие (8) нарушено, по формуле

$$\gamma_{q+1} = \sum_t \gamma_q(t) / W \quad (9)$$

откорректируем  $\gamma$ . Здесь  $W$  - количество точек  $t$ , охваченных экспериментом,  $\gamma_q(t)$  - расчетное значение  $\gamma$  в точке  $t$ , а  $q$  - номер выполненной итерации расчета.

Далее, определим  $\eta_{q+1} = 1 / \gamma_{q+1}$  и по формуле

$$\alpha_{q+1} = (g + b) / \gamma_{q+1} \quad (10)$$

уточним значение  $\alpha$ , а затем при прежних  $\mu$ ,  $\delta$  и  $\nu$  проведем расчет заново и для всех  $t$  проверим условие

$$|\gamma_{q+1}(t) - \gamma_q(t)| \leq \varepsilon. \quad (11)$$

При его нарушениях согласно (9) и (10) вычислим  $\gamma_{q+2}$ ,  $\eta_{q+2}$ ,  $\alpha_{q+2}$  и выполним следующую итерацию. Иначе, если не выполняется условие (8), т.е. избранный период  $\Theta$  не соответствует действительности, отражаемой  $T$ , направленным поиском откорректируем  $\Theta$  и повторим процесс. В противном случае он завершен.

Такая имитация развития экономики позволяет установить следующее. «Длинные волны» протяженностью 40-60 лет (наиболее

типична - 53,7 года [23, p.120]) соотносятся с гиперволнами продолжительностью 69,8-87,3 года (самая характерная - 82,7 года), которые связаны с институциональными преобразованиями. И в центре, и на границах этого интервала наблюдается уменьшение дивергенции динамики капиталовооруженности труда и нормы прибыли. Однако, если при  $\Theta = 82,7$  рост производительности труда приспособляется к увеличению его капиталовооруженности, а оно - к повышению нормы прибыли, с ускорением и экономика стремится к равновесию, причем  $\tau$  сокращается, то с приближением  $\Theta$  к 69,8 или 87,3 отображение каждой гиперволны оказывается перекошенным, так как оно все более захватывает пребывание экономики в относящихся к соседним волнам этого типа фазах устаревания и кризиса или начала обновления институциональной среды бизнеса.

Согласно выполненным расчетам средние за длительный период (в эксперименте - 825 лет) значения параметров «длинных волн» ( $\alpha = 0,056, b = 0,5, g = -1,1, \beta = 0,54, \tau \approx 55$ ) при наиболее вероятной истинной величине  $\Theta \approx 83$  года естественно отличаются от их значений для «длинных волн», рассматриваемых вне связи с «гиперциклом» (0,048, 0,62, -0,62, 0,25, 53,7 [23, p.120]). Но динамика этих параметров была представлена упрощенно, поскольку в расчете не учитывалось, что на фоне имитируемых «гиперволн» в более дробном времени протекают «длинные волны» с меняющимися значениями своих параметров (1). Чтобы избавиться от такого недостатка, при единице времени в 8,25 лет (т.е.  $t=0; 8,25; 16,5; 24,75$  и т.д. до 825), начальных условиях  $y(0)=y_0=2,014, k(0)=k_0=1,359$  (фактические среднегодовые темпы прироста за 1889-1909 гг. по статистике США [23, p.78]) и параметрах  $\alpha(t), b(t), g(t), \beta(t)$ , изменяющихся согласно результатам вычислений по (2) с  $\Theta = 82,7$ , многократно решим систему (1).

Это позволяет уточнить представление о динамике приспособления скорости прироста производительности труда к капиталовооруженности и скорости движения последней к сдвигам средней нормы прибыли под влиянием происходящего с институциональной средой бизнеса и получить ряд любопытных результатов. Так, когда «длинные волны» рассматриваются сами по себе, принято считать, что в рыночной экономике, в отличие от «командной»,  $\alpha$  обычно больше 0, ибо в противоположном случае начальное отклонение от положения равновесия имеет тенденцию экспоненциально расти, деформируя нормальное соотношение между  $y$  и  $k$ , что ведет к экспансии «теневой экономики» [23, p.116]. Выясняется, что с учетом погруженности этих волн в сверхдлинные подобное явление может регулярно наблюдаться и при рыночной экономике в связи с уста-

реванием институциональной среды бизнеса. Но началом и развитием ее обновления такая тенденция гасится. Индикатором этого служит постепенный переход  $\alpha$  в положительную область с приближением к верхней поворотной точке.

Затем  $\alpha$  снова уменьшается, так что с интервалом около 40 лет дважды обнуляется. В таких случаях производительность перестает реагировать на изменения капиталовооруженности труда. Это - признак экономического кризиса, преодоление которого во многом подготавливается теневой экономикой, растущей при  $\alpha < 0$ . В ней накапливаются необходимые финансовые ресурсы и в виде неформальных правил поведения появляются первоначальные изменения устаревших институтов, благодаря чему рождаются рискованные технологические и организационные инновации, способные вызвать экономический рост. Потом правила, эффективные с этой точки зрения, закрепляются культурными стереотипами и законодательством. При этом адаптация капиталовооруженности к норме прибыли, изменения которой характеризуются динамикой параметра  $\beta$ , стремительно усиливается, как только приспособление скорости прироста производительности труда к капиталовооруженности убывает и требуются интенсивные инвестиции, а самый низкий уровень  $\beta$  приходится на фазу стабильности  $\alpha$  вблизи ее верхней поворотной точки, когда стимулы осуществлять такие инвестиции ослабевают.

Удается выявить и динамику равновесных соотношений темпов прироста «производительность труда - его капиталовооруженность» (b), «капиталовооруженность труда - средняя норма прибыли» (g). Первое плавно колеблется от +1 до -1 с постоянным периодом. Это свидетельствует, что утверждение, будто на любых отрезках времени в 25-30 лет направленность изменений производительности и капиталовооруженности труда одинакова, а их темпы почти совпадают [23], справедливо, только если отвлечься от влияния институциональных изменений. Иначе это отмечается лишь в периоды преобладания инвестиций либо в расширение производства, либо в его техническое обновление посредством реконструкции.

Почву для важных заключений дают и изменения второго соотношения. Они качественно различны на протяжении начальных 400-450 лет и в течение последующего периода почти такой же протяженности: на смену значительным колебаниям вниз приходят подобные колебания вверх от нулевой отметки. На границе этих «суперциклов» спады и подъемы g наиболее велики, причем одни при приближении к ней нарастают, а другие при удалении от нее убывают, совпадая по форме. Вместе с тем, при равновесных состояниях экономики наблюдается рассогласование

капиталовооруженности с изменениями соотношения между нею и нормой прибыли, скорость которого стремится к максимуму. Вероятно, на динамике этого соотношения начинает сказываться эволюция мотивов и моделей хозяйства, резко изменяющая ход его развития.

Сравнение траекторий движения производительности и капиталовооруженности труда, вычисленных без учета гиперволновой динамики  $\alpha$  и  $\beta$  и принимая ее во внимание, убеждает, что в течение почти всего исходного суперцикла она мало влияет и на одно, и на другое, но все существеннее корректирует их движение по мере зарождения и развертывания очередной суперволны, отражающей последствия мотивационно-мировоззренческих мутаций. По-видимому, волны, связанные с техническими и организационными новациями, распространяясь в области экономического пространства, размеры которой меньше их длин, сталкиваются с меняющейся мотивационно-мировоззренческой средой хозяйства и результатом этого оказывается их рассеяние или дифракция. Соответственно изменяются и его упомянутые параметры. Но можно судить лишь о вероятности начальных последствий такого столкновения, а оценить, что произойдет на его заключительной стадии, нельзя, ибо понятие полностью определенной « $(n+1)$ -геометрии» становится неприменимым и выражение «временная последовательность событий» утрачивает смысл [10].

Сопоставление траекторий параметров экономики при различных начальных условиях имитационного эксперимента не оставляет сомнений в том, что его результаты инвариантны относительно этих условий. При оценивании коэффициентов моделей на статистике временных рядов конкретной страны открывается возможность с помощью такой их системы идентифицировать текущее и будущее состояние экономики данной страны как пребывание в области хозяйственного пространства, для которой характерны специфические связи экономического роста с движением капитала, его движения с инвестиционной активностью, а той с динамикой прибыли, и т.д.

## Современный кризис хозяйства

Несколько последних десятилетий были отмечены смягчением депрессивных явлений рыночной экономики. Нередко это склонны рассматривать как следствие прогресса ее государственного регулирования [25]. Но в действительности хозяйство, по-видимому, проходило через фазы спада на малых и средних волнах, а возможно, и «длинной волне» (США, 1980 г.), при которых он существенно менее глубок, чем ха-

рактерный для гипер- и супердлинных волн. Подтверждение - нынешний экономический кризис: его главная причина - институциональная разбалансированность хозяйства или, по выражению Ж.Аттали [26, с.15], «несогласованность между рынком и правом», которая прежде достигала апогея около 80 лет назад и повлекла «Великую депрессию». Преодолеть ее удалось благодаря целенаправленной реформе правил хозяйственной деятельности и их изменениям под влиянием обстоятельств мировой войны.

Именно аналогичные меры нужны и теперь, ибо внешние проявления этого кризиса (падение ликвидности и общественного спроса, рецессия, приумножение инфляции и безработицы) - главным образом плоды утраты соответствия правилами бизнеса тем, которые необходимы для безопасного применения средств его большей инструментальной рациональности, изобретенных и освоенных в предшествующие годы бурного экономического роста (включая секьюритизацию, деривативы, ипотеку и т.д.).

Применительно к современной России с учетом ее особенностей первоочередным представляется следующее. Имея в виду, что отечественные производители не склонны стимулировать спрос, удешевляя свою продукцию соответственно динамике стоимости потребляемого, необходимо дифференцировать ставки налогов на их доходы в зависимости от индексов цен изделий. Для профилактики конвертации в иностранную валюту и вывоза средств государственной поддержки бизнеса те из них, которые не подтверждены документами об использовании на оплату импорта, нужно изымать в стабфонд и (или) резервы ЦБ, а по представлении таких документов наращивать эту помощь в зависимости от вида ввозимого (с предпочтением товарам, рост спроса на которые импортозамещающие производства страны не покрывают).

Требуется, сокращая валютные интервенции, предпринимаемые ЦБ для поддержки курса рубля, и воздерживаясь от коррекции ставок налогов на экспорт, ввести такие льготы по налогам на доходы фирм, продающих на ММВБ иностранную валюту, полученную в результате внешнеэкономических сделок, которые бы дифференцировались по ее видам и относительным масштабам сбыта, предоставляя продавцам тем большие преимущества, чем основательнее их роль в замещении этих интервенций.

Целесообразно наладить прямую помощь из стабилизационного фонда бизнесу, занятому жилищно-коммунальным строительством, в обмен на снижение им в определенной пропорции (но не менее фиксированного уровня) цен реализуемой продукции с дифференциацией в зависи-

мости от его степени, социальной значимости и качества возводимых объектов. Необходимо разработать и осуществить программы развития производственной инфраструктуры отдельных регионов, ориентируясь на параметры современных статистических моделей их экономического роста [27]. Заслуживает внимания предложение об организации строительства скоростной общероссийской дороги «Запад-Восток». Все эти программы должны быть рассчитаны преимущественно на частное финансирование, которое бы стимулировалось льготами по налогам на доходы инвесторов, соответствующими относительному размеру вложений каждого.

Имеет смысл ввести налоговые льготы (санкции), увязанные с процентным изменением числа рабочих мест на предприятии (взвешенным по соотношению оплаты труда на новых или выбывающих местах к среднеотраслевой). Сдерживая рост безработицы, нужно средствами стабилизационного фонда содействовать прежде всего российским производителям той продукции, для которой характерны наибольшие коэффициенты полных трудовых затрат, наделив получателей помощи правом использовать ее для поддержки производства солидарно с отечественными поставщиками им материально-технических ресурсов (а последних - с их контрагентами из страны и т.д.), что поощрялось бы налоговыми льготами, сопряженными с размерами этого дележа.

Необходимо создать стимуляторы территориально дифференцированной коррекции организационно-правовой структуры экономики, побуждающие к расширению определенных форм хозяйственной собственности там, где согласно параметрам упомянутых моделей экономического роста регионов [27] это положительно сказывается на нем и занятости населения (например, в виде отчислений из федерального бюджета в бюджет субъекта федерации, повышающихся пропорционально увеличению доли в его хозяйстве предприятий соответствующей формы собственности).

Все это должно сопровождаться коренной технической и структурной модернизацией хозяйства, для чего, как автор [25], потребуются раза в полтора повысить норму инвестиций в стране, освобождая от налогообложения соответственно направляемые средства предприятий, увеличивая долю инвестиционных расходов в структуре государственного бюджета, используя для их финансирования на заемной основе растущую часть золотовалютных резервов России, формируя рыночную инфраструктуру инвестиций путем резкого расширения накопительного пенсионного фонда и активов страховых компаний, массового привлечения средств населения в паевые фонды и, на длительные сроки, в банки, переориен-

тации на них потоков ресурсов из казны и хозрасчетных средств бюджетных организаций. Особо следует отметить целесообразность перехода к предложенной этим автором новой структуре заработной платы, что позволит освободить государственный бюджет от значительной части социальных расходов.

Однако, по моему мнению, к выполнению всех этих и других рекомендаций императивного характера бюрократический аппарат современной России насильственно принудить невозможно, как нельзя добиться крайне настоящего резкого сокращения затрат на него и его коррупционных возможностей формальным «освобождением государства от пут коммерческой собственности» и самим по себе ужесточением административно-правовых мер. Иное дело - введение подробно описанной в [20] системы материальной ответственности органов власти за решения, влияющие на условия хозяйства, и социально-экономической заинтересованности работников таких учреждений в максимальном содействии его развитию (в том числе защите от кризисов), осуществление определяющих такую систему изменений в правилах деятельности по государственному регулированию экономики, оплаты этих работников и их ротации, а также - в правилах вознаграждения законодателей и обслуживающего их персонала.

\*       \*  
\*

Причинами невзгод, переживаемых мировым хозяйством, некоторые полагают «жадность одних и недостаточную щепетильность в исполнении своих функций других», мотивируемых краткосрочными целями, несовершенство моделей реальности, используемых при оценке бизнес-решений, или «недопустимую веру в постоянство корреляций между поведением разных активов», наконец, существенное влияние человеческой психологии на то, от чего зависит экономическая динамика, прежде всего, на ликвидность [28]. Это на самом деле внесло определенный вклад в возникновение нынешней ситуации, но, по-моему, он мог бы быть значительно меньшим при своевременном улучшении легитимных правил поведения агентов рынка и его регуляторов.

Плоскостной взгляд на цикличность развития хозяйства порождает мнение, что «невидимая рука рынка» сама не сразу, но справится с упомянутыми факторами и их последствиями [28]. Не разделяя такого оптимизма, считаю, что это - неподвластные ей все набирающие и набирающие силу вестники приближения другого, гораздо более разрушительного кризиса. При выявленной продолжительности супердлинных волн исторические сроки нарощения капиталистического хозяйства

дают основание прогнозировать такой кризис на исходе текущего века. Вызванный мотивационно-мировоззренческой разбалансированностью экономики, он станет ужесточаться очередным устареванием усовершенствованной по сравнению с прошлым ее институциональной среды. Одолеть этот кризис удастся лишь при коренном обновлении экономической парадигмы. Здесь не обойтись без чрезвычайно глубоких изменений в массовом сознании и общественной культуре, что требует колоссальных духовных усилий и весьма длительного времени. А потому готовиться к этому необходимо уже сегодня.

## Литература

1. Хейне П. Экономический образ мышления. Пер. с англ. М.: Новости, 1991.
2. Завельский М. Г. и др. Проблемы и методы оптимального территориально-производственного планирования народного хозяйства. М.: АН СССР, ЦЭМИ, 1968.
3. Данилов-Данильян В. И., Завельский М. Г. Система оптимального перспективного планирования народного хозяйства. М.: Наука, 1975.
4. Ясперс К. Смысл и назначение истории. Пер. с нем., М.: Республика, 1994.
5. Блази Д. Р., Круз Д. Л. Новые собственники. Пер. с англ., М.: ДЕЛО Лтд, 1995.
6. Скотт Синк Д. Управление производительностью. Пер. с англ., М.: 1989.
7. Drucker P. F. People and Performance. L., 1977.
8. New Technology as Organisational Innovation. Ed. J. Pennings, A. Buitendam. Cambridge (Mass.), 1987.
9. Wheeler J. A. Geometrodynamics. N.Y., Academic Press, 1962.
10. Уилер Дж. А. Предвидение Эйнштейна. Пер. с нем., М.: Мир, 1970.
11. Завельский М. Г. Некоторые фундаментальные вопросы совершенствования хозяйственного механизма. // Экономика и общество. Труды ВНИИСИ, М.: 1983.
12. Завельский М. Г. О проблемах теории народнохозяйственного оптимума. // Экономика и матем. методы, 1978, Вып. 4.
13. Завельский М. Г. Проблемы оптимизации территориального планирования. // Экономика и матем. методы, 1972, Вып. 4.
14. Коуз Р. Фирма, рынок и закон. Пер. с англ., М.: Дело, 1993.
15. Туган-Барановский М. Очерки из новейшей истории политической экономики и социализма. М.: Изд. ВЦСПО, 1918.
16. Wicksell. A New Principle of Just Taxation. // Classics in the Theory of Public Finance. L.: McMillan, 1958.
17. Rawls J. Theory of Justice. Cambridge: Harvard U.P., 1974.
18. Бьюкенен Дж., Таллок Г. Исчисление согласия. Пер. с англ., М.: Дело, 1996.



- 
19. Завельский М. Г. Альтернатива. // Экономика и матем. методы, 1992, Вып.5-6.
  20. Завельский М. Г. Государственное регулирование рыночной экономики: системный подход в российских условиях. М.: Наука, 2006.
  21. Mumford L. Myth of the Machine: Technics and Human Development. N.Y., 1966.
  22. Николитч Г., Пригожин И. Познание сложного. М.: Мир, 1990.
  23. Меньшиков С. М., Клименко Л. А. Длинные волны в экономике. М.: МО, 1989.
  24. North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge, Cambridge University Press, 1990.
  25. Аганбегян А. Кризис: беда и шанс для России. М.: Астрель, 2009.
  26. Аттали Ж. Мировой экономический кризис. СПб.: Питер, 2009.
  27. Галин Д. М., Завельский М. Г. Статистическое моделирование экономического роста современной России. // Модели и информационные технологии хозяйственной политики. Труды ИСА РАН, том 30, 2007.
  28. Вайн С. Глобальный финансовый кризис. М.: Альпина Бизнес Букс, 2009.